

DOI: 10.15372/HSS20210209
УДК 94(470+571.52)"1914/1917"

А.А. САМДАН

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССАРА ПО ДЕЛАМ УРЯНХАЙСКОГО КРАЯ В.Ю. ГРИГОРЬЕВА (1914–1917 гг.)

Тувинский институт гуманитарных и прикладных
социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва,
РФ, 667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, 4

В статье, затрагивающей период российского протектората над Тувой, анализируется деятельность чиновников, претворяющих политику колонизации территории Тувы путем мирной и культурной интеграции. Цель работы – изучение деятельности В.Ю. Григорьева – комиссара по делам Урянхайского края (1915–1917 гг.) в контексте взаимоотношений России и Тувы в данный период. Анализируется российская политика в Туве; особенности введения волостной системы; нововведения в судостроительство; способы разрешения В.Ю. Григорьевым земельных споров и конфликтов с тувинскими нойонами. Источниковую базу исследования составили еще не введенные в научный оборот архивные материалы из фондов Национального архива Республики Тыва. Автор показывает несогласованность действий между различными ветвями российских властей в Туве, несостоятельность попыток В.Ю. Григорьева ввести российскую юрисдикцию в Туве, изменения в административно-территориальной системе не имели успеха из-за отсутствия законодательной базы.

Ключевые слова: протекторат, комиссар, В.Ю. Григорьев, М.В. Шкунов, земельный спор, смешанный суд, волостная система, казаки.

А.А. SAMDAN

ACTIVITIES OF V.YU. GRIGORIEV, THE PRIVY COUNCILOR IN URYANGHAI KRAI (1914–1917)

Tuvan Institute for the Humanities
Economic Research under the Governments
of the Republic of Tuva,
Kochetov str., Kyzyl, Republic of Tuva, 667000, Russian Federation

The period of Russian protectorate over Tuva was difficult and controversial due to a number of internal and external factors. The article is focused on the analysis of the activity of Russian officials appointed to implement the policy of colonization of Tuva territory through its peaceful and cultural integration into Russia. The study objective is to consider the activity of V.Yu. Grigoriev, the Privy Councilor in Urianghai Krai (1915–1917), and relations of Tuva and Russia at the time under consideration. This objective can be achieved through the solution of the following tasks: to study Russian policy after establishing the protectorate implemented through the Russian representative bodies; to analyze special features of introduction of the volost system in Tuva; to investigate innovations in Tuvan court organization; to show ways of solving land disputes and conflict situations with Tuvan noyons (local feudal lords) by V.Yu. Grigoriev. The research base sources are materials from the State Archives of the Republic of Tuva introduced into scientific discourse for the first time.

The author concludes that there was competition and in-coordination between different Russian governmental departments in Tuva. The focus of the Council of Ministers of Russian Empire on the colonization of the region through “cultural instilment” was often at the background. In addition to the mobilization of the local Russian population in Tuva, the Russian authorities sent a cossack unit from Usinsk and Kobdo consular guard. V.Yu. Grigoriev’s attempts to introduce Russian jurisdiction and modify administrative and territorial structure in Tuva remained unsuccessful due to the lack of legislative framework.

Key words: Privy Councilor, V. M. Shkunov, land dispute, protectorate, Cossacks, mixed court, volost system.

Аяна Анай-ооловна Самдан – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, e-mail: camayana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7785-7497>

Аяна А. Самдан – Candidate of Historical Sciences, Leading Research Fellow, Tuvan Institute for the Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva.

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы формирования и развития сферы управления на окраинах Российской империи являются весьма актуальными в отечественной историографии. Общеизвестно, что от личности назначаемого администратора в немалой степени зависела эффективность этой сферы. 21 июня 1914 г. Государственный Совет и Государственная дума утвердили закон «Об учреждении должности комиссара по делам Урянхайского края и об установлении штата управления сего комиссара», который вступил в силу 1 июля 1914 г. Согласно данному закону, комиссар непосредственно подчинялся иркутскому генерал-губернатору, который определял его местопребывание. Комиссар являлся представителем русского правительства в крае и осуществлял общее руководство и надзор за деятельностью должностных лиц. Круг его функций был довольно разнообразным: не допускать контрабанды товаров на границе, осуществлять надзор над деятельностью полиции и горного исправника, вступать в сношения с местным населением, оказывать русскому населению законную защиту и поддержку, выселять с территории края российских подданных, нарушающих общий порядок. Кроме того, он имел право «входить в непосредственные сношения с военными, административными и судебными местами и должностными лицами Енисейской и Томской губерний» [1, с. 373]. Действия комиссара можно было обжаловать иркутскому генерал-губернатору. В штат при комиссаре входили переводчик, секретарь, полицейский чиновник, его охраняли 1 урядник и 10 казаков из Красноярской казачьей сотни. На годовое содержание штата комиссара отпускалось 14 200 царских рублей. Детальное изучение деятельности комиссара по делам Урянхайского края позволит, на наш взгляд, создать целостную картину системы управления в крае.

В историографии указанной темы выделяют два подхода. В советской историографии установление российского протектората над Тувой трактовалось, с одной стороны, как «завоевательная и захватническая» политика, а с другой – как «присоединение, вхождение в состав» империи. Такой подход прослеживается в исторических работах Р.М. Кабо [2], С.К. Тока [3], Х.М. Сейфулина [4], В.И. Дулова [5], Ю.Л. Аранчына [6] и Н.А. Сердобова [7]. Их выводы в разных формулировках сводились к тому, что протекторат содействовал дальнейшему развитию русско-тувинских связей [7, с. 48], а тувинцы были «не только втянуты в русло капиталистического развития, но и в общедемократическое, социалистическое движение» [6, с. 63].

С 1990-х гг. XX в. данная тема разрабатывается с учетом взаимоотношений Тувы с Россией, Китаем и

Монголией. Так, в монографии В.Г. Дацышена и Г.А. Ондар, написанной с привлечением ранее неизвестных архивных источников [8], раскрываются геополитические и стратегические интересы России, Китая, Монголии, а также тувинской элиты. По мнению авторов, протекторат в тех политических реалиях оказался оптимальной формой интеграции, но поскольку он не был закреплен международными договорами, то данным фактом воспользовались Китай и Монголия, чтобы предъявлять свои претензии на Туву; вместе с тем часть тувинской элиты «питала почву для сепаратистских настроений» [8, с. 235]. В монографии С.В. Саая и С.Ч. Сат кратко рассмотрена роль управленческих учреждений России в Туве [9].

Представляют интерес документы (всего – 134) сборника материалов «Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем – Тувой (к 100-летию исторического события)» [10], который посвящен особенностям российского протектората над Тувой. Показать всю противоречивость и сложность решения российскими властями «урянхайской проблемы» удалось В.А. Василенко [11].

Особой точки зрения придерживается монгольский историк Д. Шурхуу. По его мнению, русско-китайская декларация 1913 г. не только ограничила независимость автономной Монголии, поскольку Россия признала ее частью Китая, но и нанесла удар по идее создания единого монгольского государства. Укрепив дипломатическим путем свои позиции в Монголии, особенно на урянхайской границе, Россия энергично стала проводить в жизнь свой план присоединения Урянхия [12, р. 136].

Для разработки темы представляют интерес также статьи Н.М. Моллерова [13], В.В. Алексеева, С.С. Ховалыг [14] и др.

НАЗНАЧЕНИЕ КОМИССАРА В.Ю. ГРИГОРЬЕВА

20 октября 1914 г. высочайшим приказом комиссаром был назначен статский советник Виктор Ювентинович Григорьев. После окончания курсов Иркутской учительской семинарии в 1893 г. он поступил на службу в ведомство землеустройства и земледелия, служил в должности заведующего землеустройством и переселением в Енисейской губернии. Как человека, «хорошо ознакомленного с бытом и условиями жизни Урянхайского края и нуждами колонизационного дела» [10, с. 172], его поддерживали главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин, иркутский генерал-губернатор Л.М. Князев. Комиссару ставилась задача мирного слияния Тувы с Российской империей. Заведующим Переселенческим управлением края был назначен М.В. Шкунов. Таким образом, назначение новых должностных лиц

связано с задачами, намечаемыми правительством в отношении Урянхайского края, «который должен мирным путем приобщиться к русской культуре и подпасть под державное обладание России» [15, с. 324].

На первое время В. Ю. Григорьев оставался в Усинске. Но министр иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонов указал, что удаленность русской власти и «ее недостаточная внимательность к нуждам урянхов могут ...создать почву, на которой агитация среди них монголов может иметь успех» [1, с. 397]. Министр рекомендовал иркутскому генерал-губернатору подумать о месте пребывания комиссара. В результате в начале 1915 г. В.Ю. Григорьев обосновался в Туве на постоянное местожительство. В связи с этим для постройки резиденции комиссара, канцелярии, бытовых помещений была выбрана местность в Виланах и выделены 28 тыс. руб.

БУДИРОВАНИЕ «УРЯНХАЙСКОГО ВОПРОСА» МОНГОЛАМИ

Монголия – не признанное, но тем не менее независимое государство под управлением Джебзундамба-хутухты, боролась за свое международное признание, при этом монголы всеми силами хотели включить в свой состав земли Внутренней Монголии, Барги и Урянхайского края (Тувы).

Вступление в должность В.Ю. Григорьева совпало с началом Первой мировой войны и связанным с ней усилением агитации со стороны монголов с целью восстановления своего влияния в Туве. Весной 1914 г. ими была сформирована специальная делегация для отправки в Туву. Монголы не решились войти в Туву и, остановившись около границы, направили всем тувинским правителям и чиновникам послания. Так, в письме к амбын-нойону Комбу-Доржу уточнялось, принят ли его хошун «под просвещение и милость Богдо-Эцзена¹ и удостоены ли ...высочайших милостей» [1, с. 396], ему предлагалось ускорить процесс присоединения к Монголии «к милостивой ...Вачирдара Богдо-Эцзену для приготовления вечного совместного, мирного и счастливого благоденствия», поскольку монголы ждут «признания иностранными державами независимости монгольского государства» [1, с. 396]. Тем самым они как бы подчеркивали, что российский протекторат над Тувой не был закреплен международным актом, тогда как Монголия будет признана иностранными государствами.

Согласно докладу чиновника особых поручений при Главноуправляющем землеустройством и земле-

делием Н.В. Терентьева, в начале марта 1914 г. к правителю Хемчикского хошуна М. Буян-Бадьргы явился монгольский чиновник в сопровождении русского казака с требованием «о выдаче ему старой маньчжурской печати..., а также с предложением явиться в Ургу на поклонение к Богдо-хану» [10, с. 114–115]. Также дзайсаны 17 «отоков» и правители Дзасактухановского и Сайн-нойоновского аймаков Монголии получили предписание принять меры «к укреплению изстари подведомственных урянхов при их прежнем правителе» [1, с. 378].

Комиссар был вынужден повторно напомнить об обязательствах тувинских нойонов не входить в сношения с представителями иностранных государств, в данном случае – с монгольским правительством. «Россия имеет достаточно сил и средств, – писал В.Ю. Григорьев в своем обращении к тувинским нойонам, – как для защиты урянхов от произвола монголов, так и для наказания... ослушников и лиц, пытающихся произвести беспорядки среди урянхов» [1, с. 386].

Активные действия монголов отразились на русских, проживавших в Туве. Судя по рапортам старших выборных, среди русского населения возникла некоторая паника, поскольку распространялись слухи о прибытии монгольского войска и о готовящемся погроме. Торговцы Р.В. Вавилин, А.П. Утюшев, К.В. Горохов, А.А. Ермолаев, М.В. Вильнер, И.А. Тошкин, Д.П. Фунтиков, учитывая события разгрома китайцев в 1912 г. в Туве и конфликты из-за земельных угодий с самовольными засельщиками, просили выделить воинский отряд для защиты людей и имущества, а также воздействовать на тувинцев. Но были зафиксированы только два случая: поджог сена у русских в пос. Баянгол и битье стекол в доме русского торговца Артамонова на Шаган-Арыге [1, с. 386].

УСИЛЕНИЕ ВОЕННОГО ПРИСУТСТВИЯ

В.Ю. Григорьев, решив продемонстрировать превосходство военной силы, организовал в русских поселках дружины, которые ежедневно, а затем только в дни праздников должны были «с песнями и оружием в руках, у кого какое имеется, маршировать по поселку на глазах» [1, с. 387] у тувинцев. Он также договорился с начальником Усинской местной команды, поручиком Довгинским в случае необходимости в порядке экстренной помощи прибыть в Туву в течение трех-четырех дней, но не учел, что дорога по Енисею доступна лишь в теплое время года, а другой путь преодолеть было трудно: от Минусинска до с. Григорьевки существовал только колесный транспорт, а далее, до с. Усинска, велись строительные работы. Через Саяны была проложена лишь вьючная

¹ Богдо-Эцзен – Джебзундамба-хутухта.

тропа. Таким образом, в течение шести месяцев из-за отсутствия дороги в Туву попасть было затруднительно.

В мае 1915 г. комиссар В.Ю. Григорьев для обеспечения защиты русского населения вызвал из Усинска местную воинскую команду из 45 чел. и, заручившись соглашением министров военного и иностранных дел, 50 казаков из Кобдинского консульского конвоя. Этого контингента было достаточно, чтобы тувинцев удерживать «от новых попыток насильственными действиями нарушить мирно складывавшийся в прошлом добрососедский уклад жизни их с русскими засельщиками в урянхайской земле» [1, с. 401]. Вновь вопрос об усилении военного присутствия и полицейской охраны в Туве комиссар поднял на совещании, организованном по приезду Л.М. Князева в Усинск. Последний не поддержал В.Ю. Григорьева, напомнив ему о мирном способе «обрусения края» – «при посредстве сделок и культурной работы» [1, с. 404].

ПОПЫТКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННОГО СУДА

Решением Совета Министров Российской империи от 16 мая 1914 г. «Об устройстве управления и судебной части в Урянхайском крае» министру юстиции было поручено принять меры по распространению компетенции русского суда на этот край, «подчинив его ведению более важные судебные дела урянхов, прежде подлежавшие рассмотрению китайского суда» [1, с. 362]. Данное решение и дальнейшее указание старшего председателя Иркутской судебной палаты сенатора Еракова должны были войти в основу реформы по введению инородческого суда в Урянхайском крае. Русскую судебную власть в Туве представлял мировой судья А. В. Барашков.

Но Виктор Ювентинович считал нужным вмешаться в судебную власть. Он разработал «Временные правила для смешанного суда русских и урянхайцев в Кемчикском хошуне» и в конце февраля 1915 г. лично посетил Хемчик, чтобы ознакомить с ними правителей двух хошунов – М. Буян-Бадырты и К. Чымба. Согласно этому документу, смешанный суд, состоявший из старшего выборного и двух тувинских чиновников, назначенных правителями хемчикских хошунов, разбирал мелкие уголовные дела и «долговые обязательства до 300 рублей»². Судьи выбирались на один год. Инициатива созыва принадлежала старшему выборному. Иски подавались в письменной либо в устной форме и по обычаям. Решение принималось большинством голосов и записывалось в особую кни-

гу. Его можно было обжаловать заведующему устройством русского населения Урянхайского края через старшего выборного в течение одной недели после вынесения решения суда. Постановление суда приводилось в исполнение «самим судом в срок, в решении указанный, и по отношению к русским – старшим выборным, а по отношению к урянкам – через двух судей урянхайцев»³. За неявку в суд без уважительных причин назначался штраф от 1 до 10 руб. или же налагался арест от 1 до 3 дней. Штрафы сдавались лично комиссару «на покрытие расхода»⁴. Данные правила вступали в силу с 1 марта 1915 г. и действовали вплоть до особого распоряжения.

Таким образом, В.Ю. Григорьев отошел от буквы российских законов в сторону учета местных традиций, и это обстоятельство вызвало некоторое недоумение у прокурора Красноярской судебной палаты В.С. Иванова, который отмечал, что «предпринятое г. Григорьевым мероприятие ставит судебную власть края в весьма затруднительное ...положение, тяжесть коего усугубляется его неожиданностью и полно несогласованностью с судебной практикою последнего времени, начавшей прививаться»⁵.

Комиссар вмешивался и в другие дела судебной власти, отменяя исполнительные листы, вынесенные мировым судьей. Так, Ф. Медведев должен был отбывать наказание в течение месяца в Усинской волостной тюрьме, но по устному распоряжению комиссара осужденный находился там не на общих основаниях – его камеру не закрывали под замок, он имел возможность выходить на свободу.

В.Ю. Григорьев, апробировав смешанный суд в одном хошуне, в апреле 1915 г. ввел разработанное им «Временное положение о смешанном суде между русскими и урянхайцами» уже на всей территории Тувы. Данный документ был обсужден на усинском совещании под председательством егермейстера Л.М. Князева. В.С. Иванов опротестовал право введения суда комиссаром, но иркутский генерал-губернатор согласился оставить его на некоторое время в качестве эксперимента.

В его основу вошли положения волостного суда крестьянского самоуправления Российской империи. Особый суд состоял из пяти избираемых судей: два – тувинских чиновника, два – из русского населения, а пятый – председатель, которого назначал заведующий устройством русского населения в Урянхае. Судьи также выбирались на один год. Не подходили кандидаты «моложе 30 лет, лишенные прав, отбывшие тюремное наказание по приговору суда, состоящие под судом и следствием» [10, с. 198].

³ НАРТ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. Л. 61.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 66 об.

² Национальный архив Республики Тыва (НАРТ). Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. Л. 61.

Смешанным судам были подсудны гражданские иски на сумму до 500 руб., незначительные уголовные преступления, совершенные как русскими, так и тувинцами. Кроме того, они могли рассматривать дела в случае согласия между тувинцами и русскими. Судопроизводство в этих судах было публичным и устным, решения принимались большинством голосов. Решения суда можно было обжаловать в месячный срок заведующему устройством русского населения в Урянхае.

В.С. Иванов, изучив положение дел на местах и выслушав представителей Оюннарского хошуна, понял, что без проведения реформы административного устройства «не осуществимо введение инородческих судов»⁶. Он предложил самый быстрый, на его взгляд, действующий суд – хошунный. Его деятельность должна была находиться под контролем комиссара. Судьи избирались на паритетной основе, по два судьи от русского и тувинского населения, при этом один из двух русских судей назначался председателем, и его голос был решающим при равенстве мнений. Суд по способу организации был выборным, по охвату территории – хошунным, он заседал не менее одного раза в два месяца. «...Суд должен действовать применительно к правилам о действиях инородческого или народных судов, руководствуясь при разрешении дел местным обычаем»⁷, при этом исключались физические пытки как средство дознания и как мера наказания. Второй инстанцией, по мнению прокурора В.С. Иванова, был совет комиссара, состоявший из него самого (в качестве председателя), переселенческого чиновника и участкового переселенческого чиновника. При этом хошунный суд разбирал дела «независимо от происхождения жалобщика или истца»⁸, и именно данное обстоятельство, по мнению В.С. Иванова, должно вызвать у тувинцев доверие к русской судебной власти.

Очередную попытку реформирования судебной системы предпринял В.Ю. Григорьев в самом начале 1917 г. с целью реорганизации системы традиционного судопроизводства тувинцев. Решено было адаптировать статьи «Временного положения об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области» (утвержден 23 апреля 1901 г.) в части судопроизводства. Изменение, как считал комиссар, наименьшим образом «внесет некоторую ломку в явления туземного уклада жизни» [10, с. 266], поскольку «обеспечивает возможность довольно широкого применения обычного права» [10, с. 266].

Участники совещания по данному вопросу пришли к единому мнению, что введение кодекса даже с учетом изменений преждевременно, поскольку необходимо предварительно (или одновременно) реформировать административное устройство тувинцев, ведь среди русского населения введение волостного управления началась с 1915 г. (о чем речь пойдет ниже). Изменения должны были способствовать решению двух главных задач: 1) определить границы между административными единицами, поскольку при традиционном расселении по родовому составу, в некоторых случаях – чересполосного, трудно было бы организовать судебные участки; 2) избежать «чиновничьего кризиса», поскольку судебная власть являлась «едва ли главной отраслью служебной деятельности чиновников» [10, с. 268], а по вышеуказанному положению вводилась выборность судей самим населением. Поэтому «чиновничья группа ...за исключением ...чиновников, что сделаются судьями по выбору» [10, с. 268] может вызвать угрозу выступления «против русского режима значительного и очень влиятельного класса населения» [10, с. 268]. Но вскоре грянули большие перемены в России, В.Ю. Григорьев был отстранен от власти, и данный проект остался лишь на бумаге.

ВВЕДЕНИЕ ВОЛОСТНОЙ СИСТЕМЫ В РУССКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ ТУВЫ

Русская административная власть в Туве подняла вопрос перед иркутским генерал-губернатором об учреждении волостей в крае и соответственно о выделении средств на строительство зданий волостных правлений. В отличие от регионов России, где крестьяне образовали сельские общины, в рамках которой саморегулировались вопросы землепользования, в Туве русское население формировало поселения, поселки, заимки, фактории, отдаленные друг от друга. Многие из них были малочисленными. Так, поселок Усть-Ээрбек состоял всего из 7 домохозяйств. Кроме того, крестьяне продолжали числиться за прежними местами проживания, где по-прежнему платили земельные налоги, те же налоги их вынуждали платить и на новом месте.

В отсутствие волостного управления и волостного суда все конфликты по земельным спорам между русскими старожилами, новоселами и местным населением разбирал заведующий по устройству русского населения М.В. Шкунов. В связи с ростом численности русских переселенцев остро встал вопрос об их обустройстве, потребовалось «участие населения в качестве самоуправляющихся отдельных волостных единиц, а главным образом, более устроенного административно-судебного управления в крае»⁹.

⁶ НАРТ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. Л. 170 об.

⁷ Там же. Л. 171.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Ф. 123. Оп. 2. Д. 155. Л. 52 об.

Как заметил иркутский генерал-губернатор А.И. Пильц: «...Отсутствие в жизни русского населения общности интересов земельного хозяйства, являющегося главной основой в образовании земельной общины, создает значительные затруднения в деле образования в ...крае волостей»¹⁰. Согласно ст. 43 главы I «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19.02.1861 г. волость должна включать от 300 до 2000 ревизских душ мужского пола, а «наибольшее расстояние отдаленнейших селений волости от средоточия управления оной полагается около 12 верст»¹¹. Чтобы каким-то образом довести число людей до указанных цифр, М.В. Шкунов предложил приравнять мещан, купцов и потомственных дворян к крестьянству «с обязательством исполнения повинностей и несения общественных выборных должностей»¹², но это противоречило ст. 219 вышеуказанного закона.

Осенью 1915 г. началась работа по организации сельских обществ и волостей в Туве. М.В. Шкунов отправил во все русские поселки предписания об их организации. Так, на сходе пос. Федоровка, который состоялся в октябре 1915 г., присутствовали 20 чел. Они единогласно согласились образовать сельское общество.

1 ноября 1915 г. на сходе крестьяне поселка Знаменское и старшие поселков Хлебниковского, Грязнухинского, Даниловского, Медведевского, Шанского – всего 220 чел. – также единогласно решили образовать сельские общества, а правление организовать в пос. Знаменское, поскольку «вышеназванные поселки расположены все близ Знаменского поселка»¹³.

Русские жители с. Туран собирались дважды, в первый раз – в ноябре 1915 г., но тогда вопрос о волостной организации было решено отложить из-за военного положения в России. Затем по настоянию М.В. Шкунова заседали 29 февраля 1916 г. Из 92 домохозяев, имеющих право голоса, на сход явились 63. Вопрос был решен положительно, а здание волостного правления решено было построить в с. Туран.

Однако не все русские поселенцы приветствовали реформу. Так, 22 ноября 1915 г. на сход жителей Тарлыкского района из 45 чел. явились только 27. Они единогласно отказались от волостного управления, поскольку их отпугивал перевод дворянского сословия в крестьяне, крестьяне отказывались от расходов на разные мероприятия, мотивируя слабостью своих хозяйств и тем, что «масса членов семьи оторваны на

военные действия»¹⁴. Кроме того, не все крестьяне соглашались быть отчисленными от мест своих прежних приписок. Расходы на содержание волостного управления и другие должны были нести сами жители. Оплачивалась лишь работа писаря в размере 400 руб. из казны Переселенческого управления.

**КОНФЛИКТ В.Ю. ГРИГОРЬЕВА
С АМБЫН-НОЙОНОМ КОМБУ-ДОРЖУ,
ТОГМИДОМ И ВАНЧИКОМ**

В отличие от своего предшественника, В.Ю. Григорьев встал на путь конфронтации с амбын-нойоном Комбу-Доржу. Последний же, разочаровавшись в русских управленцах, стал открыто игнорировать комиссара, не реагировал на его просьбы о встрече, и, несмотря на запрет, использовал маньчжурскую печать при переписке с монголами. В мае 1915 г. В.Ю. Григорьев, в одну из поездок к амбын-нойону, отстранил Комбу-Доржу от власти, отобрав печать, но «в воздаяние прежних заслуг ...оставил ему почетное звание амбая»¹⁵. Он обещал посодействовать в получении ежегодной пенсии, взамен на «полное по отношению к русской власти послушание»¹⁶, но вскоре отказался от своих слов.

На совещании чиновников Оюннарского хошуна его правителем был избран Соднам-Балчыр, сын Комбу-Доржу. Прекрасно понимая привязанность тувинцев к своим родовым правителям, а прерывание власти «наследственных амбаян» могло привести «к дальнейшим враждебным нам выступлениям»¹⁷, В.Ю. Григорьев все же назначил его исполняющим обязанности правителя Оюннарского хошуна.

Соднам-Балчыр, вопреки рекомендациям В.Ю. Григорьева, продолжал ездить в Монголию и вести переписку с монголами. Эти факты раздражали русского комиссара, и он в конце августа 1915 г. лишил власти Соднам-Балчыра, объявив его «нечинным урянхом, которому не представлено и не будет представлено никакой власти»¹⁸. Комиссар не стал проводить повторные выборы и назначил правителем Оюннарского хошуна дзахирокчи Иргита Агван-Шырапа, а его помощником – Оюна Ажыкая.

Объявление российского протектората проигнорировали нойоны двух хошунов (Салчакского и Тоджинского) и одного сумона (Соянского). При этом объявлении вместе с амбын-нойоном присутствовали лишь мелкие чиновники из данныхх трех админи-

¹⁴ Там же. Д. 114. Л. 38 об.

¹⁵ Научный архив Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (НА ТИГПИ). Д. 1065. Л. 4 об.

¹⁶ НАРТ. Ф.112. Оп. 1. Д. 24. Л. 5.

¹⁷ Там же. Ф. 115. Оп. 1. Д. 24. Л. 143.

¹⁸ Там же. Л. 4 об.

¹⁰ НАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 155. Л. 52 об.

¹¹ URL: <https://lektsia.com/1x306b.html> (дата обращения: 12.04.2020).

¹² НАРТ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 155. Л. 53.

¹³ Там же. Л. 28.

стративных единиц. В тот же год указанные хошуны были приняты шабинарами VIII Джалханза-хутухты¹⁹, а Соян сумон в декабре 1914 г. был включен в качестве отдельного хошуна. Князем назначен сын дзанги Ванчика – Далхасурун, 16-летний юноша, которому тогда же было пожаловано княжеское достоинство «гуна»²⁰. Это же звание было присвоено и самому Ванчику. Таким образом, три тувинских хошуна оказались в двойном подданстве.

В середине августа 1915 г. В.Ю. Григорьев в сопровождении казаков выехал на Тоджу и арестовал правителя Тогмида, изъял печать и шапку с шариком (жинсэ)²¹. В последний момент люди Тогмида, сопровождавшие его, смогли вырвать его из рук казаков. Вместо него был назначен дзахирокчи²² Намнан. Но последний, по оценке комиссара, не проявлял «энергичной деятельности ... в должном соответствии с интересами русского правительства в Урянхае»²³, а поскольку авторитет Тогмида оставался среди народа по-прежнему высоким, то на очередном чыыше²⁴, который состоялся в январе 1917 г., Тогмид единогласно был избран на должность правителя хошуна, а Намнан написал заявление о своей отставке из-за болезни.

Прежний правитель Соянского сумона Ванчик предпринимал неимоверные усилия для того, чтобы состоять в монгольском подданстве. Он запретил пользоваться пастбищами своего сумона другим аратам и даже поставил изгороди. В конце августа 1915 г. комиссар отправил секретаря Я.И. Мальцева вместе с военным отрядом во главе с сотником Копейкиным, как и в случае с Комбу-Доржу, отобрать у Ванчика монгольскую печать и арестовать его самого. Но, как только появились русские казаки, араты сумона, бросив все свое имущество и скот, обратились в бег. В этой суматохе Ванчику тоже удалось сбежать, и казаки его не догнали. Тогда несколько разъездов казаков были направлены в места, где мог укрыться Ванчик, но безуспешно. Последний, как выяснилось, скрывался в густых лесах у р. Тес, выше слияния с р. Эрзин. Казакам удалось лишь занять юрту с имуществом Далхасуруна и задержать табун лошадей Ванчика, на которых они совершали разъезды в поисках нойона и его приближенных. Поймали

только двух тувинцев, которые помогли Ванчику при побеге, – Кок-Суруна и Хыйыр-Севи.

Потерпев неудачу, Я.И. Мальцев 8 сентября 1915 г. объявил Ванчика и его сына Далхасуруна «беглецами, лишенными права всякого участия в делах управления сумоном на будущее время»²⁵. По рекомендации комиссара управляющими сумоном были назначены два чиновника из Соян сумона – дзахирокчи Оригу (Дорги), дзанги²⁶ Хорлуу и из Ойнарского хошуна – дзалан²⁷ Дарьсурун. Вместе с ними были оставлены 10 казаков под предлогом «оказания содействия и защиты урянхайского населения, принятого под покровительство Российского правительства»²⁸, которых разместили в буддийском храме Соянского сумона²⁹. Оригу и Хорлуу, помимо восстановления в короткий срок мирной жизни в сумоне, должны были в течение месяца задержать Ванчика и доставить комиссару «для выражения покорности, вручения монгольской печати и ходатайства о снисхождении к нему»³⁰. Им каким-то образом удалось убедить Ванчика и его сына объявиться властям.

В ноябре 1915 г. гун Далхасурун направил заверение о своей верноподданности «русскому государю, находясь в ведении Ойнарского бугдэ-дарги»³¹, а его отец сдал монгольскую печать Агван-Шырапу. Затем, когда из сумонов Иргит, Чооду, Сартуул и Шалык были образованы Даван и Нибазы хошуны, Далхасурун захотел воспользоваться ситуацией. 6 октября 1916 г. Далхасурун, Ванчик, Оригу, дзанги Хорлуу, дзалан Болд и Сундуй написали комиссару ходатайство о выделении отдельного хошуна под «начальством гуна Далхасуруна и считать нас по-прежнему под великим покровительством»³². Но русские власти потребовали проведения выборов, они состоялись через месяц. Правителем уже Соянского хошуна единогласно был избран Далхасурун, а помощником Оригу.

Но все действия В. Ю. Григорьева не были согласованы с вышестоящими органами. На правительственном уровне оспаривался Кяхтинский договор 1727 г. Русские власти, «основываясь на толковании договорных постановлений и примененных в них географических терминов», считали, что «южной границей Урянхайского края должен быть признан

¹⁹ VIII Джалханза-хутухта Дамдин-Базар (1874–1923) – монгольский религиозный и политический деятель.

²⁰ Гун (*кит.*) – княжеское достоинство. (НАРТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 27. Л. 19 об).

²¹ Жинсэ (*тув.* чинзе) – шарик на кончике шапки, который обозначает звание, должность.

²² Дзахирокчи (*тув.* чагырыкчы) – управляющий.

²³ НАРТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 26. Л. 79.

²⁴ Чыыш – судебный процесс, собрание, сход.

²⁵ НАРТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 27. Л. 25.

²⁶ Дзанги (*тув.* чангы) – правитель сумона.

²⁷ Дзалан (*тув.* чалан) – чиновник.

²⁸ НАРТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 27. Л. 25 об.

²⁹ Соинский хурэе находился к югу от р. Тес, недалеко от слияния с р. Эрзин.

³⁰ НАРТ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 27. Л. 26 об.

³¹ Бугдэ-дарга (*монг.* правитель всех) – правитель хошуна (НАРТ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 27. Л. 113 об).

³² Там же. Ф. 112. Оп. 1. Д. 27. Л. 109

хребет Танну-Ола», как естественная граница и водораздел [16, с. 36]. Таким образом, в случае претворения в жизнь данного плана территория Тувы была бы разделена на две части: большая часть отошла бы Российской империи, а Южная Тува, скорее всего, присоединилась бы к Монголии.

Иркутский генерал-губернатор А.И. Пильц, придерживаясь политики высших эшелонов власти, 16 ноября 1915 г. предписал В.Ю. Григорьеву «воздержаться от проявлений нашей власти к югу от хребта Танну-Ола. Желательно поэтому отклонить просьбы урянхайцев, кочующих к югу от Танну-Ола о принятии их под русское покровительство» [16, с. 37]. В.Ю. Григорьев, непосредственно работавший в Туве, видел ошибочность данного распоряжения и по приезду летом 1916 г. А.И. Пильца в Туву организовал совместный выезд в этот район. Вскоре было принято единственно правильное решение о разграничении Тувы по течению р. Тес.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

29 марта 1917 г. комиссар В.Ю. Григорьев был отстранен от занимаемой должности. Власть перешла в руки Временного комитета. В апреле А.П. Ермолаев был избран и.о. комиссара по делам Урянхайского края.

Таким образом, В.Ю. Григорьев работал в Туве 2 года и 5 мес. в весьма непростое для России и Тувы время. Россия была вовлечена в Первую мировую войну, а в Туве, несмотря на объявленный российский протекторат, усилилась агитационная работа монголов с целью присоединения ее территории. В.Ю. Григорьев, забыв о задаче «обрусения и мирного слияния» Тувы с Россией, стягивал из Усинска и Кобдо военную силу в край, отстранил от власти тувинских нойонов и назначил правителями тех, кто лояльно относился к русским властям. Комиссар намеревался увеличить воинский состав и полицию, но его остановил Л.М. Князев. Главные усилия комиссара были направлены на проведение административно-территориальной реформы среди русского и тувинского населения края, с целью распространения российской юрисдикции на тувинское население, но из-за отсутствия законодательной базы особого успеха не имели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колониальная политика русского царизма в Туве: сб. док. Б./м., б/г. 450 с.
2. Кабо Р.М. Очерки истории и экономики Тувы. М.; Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1934. Ч. 1: Дореволюционная Тува. 203 с.
3. Тока С.К. Зарождение Тувинской народно-революционной партии // Под знамя Ленина–Сталина. Кызыл, 1943. № 5. С. 33–42.
4. Сейфуллин Х.М. Образование Тувинской автономной области РСФСР. Кызыл: Тувкнигоиздат, 1954, 159 с.

5. Дулов В.И. Социально-экономическая история Тувы (XIX – начала XX в.). М.: Изд-во АН СССР, 1956. 607 с.
6. Аранчин Ю.Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: Наука, 1982. 337 с.
7. Сердобов Н.А. Коминтерн и революционная Тува. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1985. 238 с.
8. Датышен В.Г., Ондар Г.А. Саянский узел: Усинско-Урянхайский край и российско-тувинские отношения в 1911–1921 гг. Кызыл: Респ. тип., 2003. 278 с.
9. Саая С. В., Сам С. Ч. Геополитический статус Тувы в первой половине XX века (1911–1944 годы). Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. 296 с.
10. Собрание архивных документов о протекторате России над Урянхайским краем (Тувой) (К 100-летию исторического события). Кызыл: [б. и.], 2014. 479 с.
11. Василенко В.А. На пути к протекторату (Отношения правительства имперской России с Китаем и Монголией по вопросам установления политического влияния в Туве во второй половине XIX в. – 1914 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 223 с.
12. Shurkhuu D. Similarities and Differences between Mongolia and Tuva in the Evolution of Bilateral Ties // *Senri Ethnological Studies*. 2014. Vol. 86. P. 127–144. URL: <http://doi.org/10.15021/00002408> (дата обращения: 02.04.2020).
13. Моллеров Н.М. Протекторат России над Тувой в 1914–1924 гг. (историко-правовой аспект) // Единая Тува в единой России: история, современность, перспективы: мат-лы Междуна. науч. конф., посв. 100-летию единения России и Тувы. 3–4 июля 2014 г. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2014. Ч. 1. С. 14–18.
14. Алексеев В.В., Ховалыг С.С. Тува под российским протекторатом (1914–1919 гг.): забытая страница отечественной истории // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та им. И. Я. Яковлева. 2014. № 3 (83). С. 61–68.
15. История Тувы. / под общ. ред. С.И. Вайнштейна. Новосибирск: Наука, 2001. Т. 1. 364 с.
16. Адамов Е.А. Урянхайский вопрос при царском и временном правительствах / Комментарий, примечания и подготовка рукописи к печати Н.М. Моллерова. Кызыл: Тип. КЦО «Аныяк», 2007. 71 с.

REFERENCES

1. Colonial policy of Russian tsarism in Tuva: collected documents. [S. l., s. a.], 450 p. (In Russ.)
2. Kabo R.M. Essays on the history and economy of Tuva. Pt. 1. Pre-revolutionary Tuva. Moscow, Leningrad, 1934, 203 p. (In Russ.)
3. Toka S.K. Creation of the Tuvan People's Revolutionary Party. *Pod znamya Lenina-Stalina*, 1943, no. 5, pp. 33–42. (In Russ.)
4. Seyfulin Kh.M. Formation of the Tuva Autonomous Region in RSFSR. Kyzyl, Tuvknigoizdat, 1954, 159 p. (In Russ.)
5. Dulov V.I. Socio-economic history of Tuva (the XIX – early XX centuries). Moscow, USSR AS Publ., 1956, 607 p. (In Russ.)
6. Aranchyn Ju.L. The historical path of the Tuvan people to socialism. Novosibirsk, Nauka, 1982, 337 p. (In Russ.)
7. Serdobov N.A. Comintern and revolutionary Tuva. Kyzyl, Tuvan Book Publ., 1985, 238 p. (In Russ.)
8. Datsyshen V.G., Ondar G.A. Sayan Knot: Usinsk-Uryanghai Kari and Russian-Tuvan relations in 1911–1921. Kyzyl, Rep. Tip., 2003, 278 p. (In Russ.)
9. Saaya S.V., Sam S.Ch. Geopolitical status of Tuva in the first half of the XX century (1911–1944). Abakan, Khakass. Book Publ., 2006, 296 p. (In Russ.)
10. Bondarenko T.A. et al. (comps.) Collection of archival documents about the protectorate of Russia over the Uryanghai Region (Tuva) (to the 100th anniversary of the historical event). Kyzyl: TIGI, 2014, 479 p. (In Russ.)

11. Vasilenko V.A. On the way to protectorate (relations of the Imperial Russia government with China and Mongolia to establish political influence in Tuva in the second half of the XIX century – 1914). Irkutsk, IGU, 2014, 223 p. (In Russ.)
12. Shurkhuu D. Similarities and differences between Mongolia and Tuva in the evolution of bilateral ties. *Senri Ethnological Studies*, 2014, vol. 86, pp. 127–144. DOI: <http://doi.org/10.15021/00002408>.
13. Mollerov N.M. Protectorate of Russia over Tuva in 1914–1924. (historical and legal aspect). *Edinaya Tuva v edinoy Rossii: istoriya, sovremennost', perspektivy: materialy mezhdunar. nauch. konf., posviashch. 100-letiyu edineniya Rossii i Tuvy (3-4 iyulya 2014 g.)*. Abakan, 2014, pt. 1, pp. 14–18. (In Russ.)
14. Alekseev V.V., Khovalyg S.S. Tuva under the Russian protectorate (1914-1919): a forgotten page of the national history. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Y. Yakovleva*, 2014, no. 3, pp. 61–68. (In Russ.)
15. Vainshtein S.I. (ed.) Tuva history. Novosibirsk, Nauka, 2001, vol. 1, 364 p. (In Russ.)
16. Adamov E.A. Uryankhai question under the tsarist and provisional governments. Kyzyl, Anyyak, 2007, 71 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.12.2020

Дата рецензирования 01.03.2021

Статья принята к публикации 11.04.2021